

Мэри Кушникова
ОСТАЛИСЬ В ПАМЯТИ КРАЯ
Страницы литературно-краеведческого поиска

4. ВОКРУГ СТАРОГО УЧИЛИЩА

4.3. «НЕУЖТО ТАМ ДОЛЖЕН ЖИТЬ ЧЕЛОВЕК?..»

(Н. И. Наумов, 1833 – 1901 гг.)

В 1858 году уроженец Тобольска Николай Наумов, закончивший всего три класса Томской гимназии, написал свой первый рассказ «Случай из солдатской жизни». Знакомство с солдатской жизнью для Наумова началось намного раньше, когда ему было всего семь лет и отец его служил в Омске прокурором. Дом выходил на площадь. Здесь шли учения, здесь же солдат секли розгами и шомполами. Много позже писатель Наумов расскажет о своих воспоминаниях про то, как «далеко разносились крики терзаемых жертв», и признается: «Я и теперь без содрогания не могу вспомнить эти сцены. Я плакал, забивался в подушку, чтобы не слышать барабанного боя и раздирающих душу криков». В 1860 году Наумов поступил вольнослушателем в Петербургский университет. И года не потребовалось, чтобы неизбежная поляризация толкнула его к сверстникам, которые были наиболее созвучны ему по образу мыслей.

Он участвовал в студенческих демонстрациях, сблизился с кружком каракозовцев и в 1862 году был арестован по подозрению в принадлежности к революционному обществу «Земля и воля». Улик не было – его освободили. Арест миновал, образ же мыслей остался неизменным. В 1864 году Наумов возвращается в Сибирь. И вот выдержка из письма: «В течение девятилетней службы крестьянским чиновником в двух округах Томской губернии, Мариинском и Томском, я изо дня в день, по свежим впечатлениям записывал все, что доводилось мне подметить и слышать!» А подмечал он многое, что лишь ждало воплощения в строки. После недолгого пребывания в Петербурге он вновь приезжает в родные края, и с 1864 года его жизнь тесно связана с Сибирью.

Невелик был чин у Наумова, служившего в Кузнецке, Мариинске, Томске, но работа вела его в самые глухие уголки Томской губернии, в гущу жизни, что для писателя – большая удача. В Кузнецке Наумову удалось заглянуть за кулисы жизни чиновничества той поры. Наумову-писателю интересны были жители

Кузнецка, его купцы и чиновники. Его знали в Тисуле и окрестностях, он был частым гостем в нынешних Осинниках.

Восемь лет Наумов молчал, хотя в петербургских литературных кругах его знали – редакции «Современника» и «Отечественных записок» охотно принимали его рассказы. Но самые правдивые, самые щемящие в своей искренности работы Наумова еще не созрели. Пока он лишь накапливал впечатления. Он нашел свою тему – «безсудность» Сибири и угнетение крестьянской бедноты, разгул «сельского барина»-мироеда и наглость местного «царька»-чиновника.

Свои размышления Наумов очень органично вписывает в ткань рассказов и очерков – их немногим более тридцати, - вкладывая в уста своих героев.

В Осиновском улусе Наумов пробыл один день. Но впечатлений набралось столько, что в бурном клетоте Кондомы ему слышались «стон и подавленные рыдания». Он знал и любил Горную Шорию: «Мне стало больно за это добродушное, безжалостно разоряемое и постепенно вымирающее племя», - пишет Наумов после разбирательства дел в Горной Шории. В деревне Кокуй Кузнецкого уезда старик Сыслов рассказывает писателю: «На тыщу-то чинов разве только один добродетельный выищется, да и тот недолговечен в наших местах...».

В Осиновском улусе Наумову рассказали: «Здесь был исправником Иван Миронович Канаев, так ведь такие капиталы нажил: во многие десятки тысяч!».

Невольно вспоминается сердобольное семейство кузнецкого исправника Ивана Мироновича Катанаева (Канаев – лишь маскировка истинной фамилии), так обласкавшее бедствующую М. Д. Исаеву, будущую супругу Ф. М. Достоевского.

Но уже в другой, непарадной, ипостаси видится предприимчивый кузнецкий исправник, который был шафером на венчании Достоевского. Нажив большие тысячи на скупке шкурок за фальшивые деньги у шорцев, он мог блеснуть - устроить свадьбу на свой счет, тем самым умилив доверчивых кузнецан. И невольно салон Марии Александровны Москалевой, мордасовской «львицы», отраженный в повести Достоевского «Дядюшкин сон», наводит на мысль о кузнецком салоне Катанаевых. Достоевский и

Наумов дышали одним воздухом, и вещей взор писателя был свойственен обоим... Катанаевых в Сибири был легион. Сибирь – «доходное местечко».

Как никто, Наумов узнал сибирское «золотое дно». «Золотая лихорадка» охватила таежные прииски. Вот что пишет Наумов: «Нигде так не развита система закабаления рабочего, как на приисках, где за весь свой летний таежный труд работник выносит в очистку лишь несколько рублей» («Еж»). Но вот сезон закончен, и приисковые рабочие партиями приходят в Тисуль («Паутина»). Богатеют торговцы, наглеют мелкие чиновники, таежного рабочего грабят, унижая и спаивая в кабаках. Потеряно за пару недель все заработанное за лето, остается лишь горькое сокрушение. Вот слова одного из героев рассказа: «Ты робишь, робишь, жисть кладешь, и все ты нищий, а другой за твое здоровье, сложа руки, в прохладе живет. Неужто так должен жить человек?».

В архиве Наумова сохранился черновик докладной записки 1884 года, когда он служил в Мариинске непременным членом по крестьянским делам. Он предлагал «предоставить крестьянским обществам право выдворять по приговорам поселяющихся в селах и деревнях мещан и купцов, замеченных в каких-либо предосудительных поступках». Так просто представлял он себе борьбу в народившемся кулачеством. В одном из своих писем к Г. Н. Потанину 21 августа 1894 года Наумов не скрывает растерянности. «не лень одолевает меня, - пишет он, - а усталость, глубокое разочарование во всем, во всем. Вступив в жизнь в 60-е годы, тяжело, ох как тяжело пережить 90-е... И будет мой голос диссонансом среди хора новых певцов. Так уж лучше молчать, молчать. Молчать».

Но он не молчал, и к тому же был неправ в собственной оценке. Вопреки мнению, что после 1894 года он ничего не писал, его архивы показали, что Наумов до конца дней своих не выпускал из рук усердного пера. В 1895-1897 гг. написаны «Тягун», «Раздел», «Таежные коноводы»... Именно в пору мнимого молчания написаны такие строки: «Не объясняется ли подобными побуждениями то грустное апатичное равнодушие к жизни, каким отличается русский простолюдин, не в них ли искать объяснения и того давно подмеченного факта, «что он не любит умирать своей смертью!». То срубит он в лесу дерево и, видя, что оно прямо падает на него, не догадывается отскочить в сторону, и пришибет его деревом. Другой с высокого стога сена покатится... прямо на вилы, стоящие около него... и навывлет пропорет ими

живот. И нужно посмотреть потом, как умирает он. Вы не услышите ни одного стога, ни одной жалобы или сожаления о преждевременно угасающей жизни, только пред священником, привезенным для напутствования его, и пред собравшимися мирянами он тихо проговорит: «чтоб никого не обвиняли в его смерти». Подобных случаев, где человек как будто бы нарочно напрашивается на смерть, ищет только удобного повода к ней, слишком много... и что более всего бросается в глаза людей, близко знакомых с бытом народа, - это то, что все они повторяются чаще всего весной, в самое тяжелое в быту его время» («Крестьянские выборы»). И в противовес этим строкам – другие, дающие нам, кстати, неожиданные сведения о Томском железоделательном заводе, который действовал на реке Томь-Чумыш с 1771 по 1864 год в селе Томское, близ Прокопьевска.»... По странному стечению ли обстоятельств или с предложенной заранее целью, передние ряды толпы, примыкавшие к дверям, ведущим в волостную присутственную комнату, исключительно состояли из бывших мастеровых упраздненного Т... завода – самого беспокойного элемента населения, выработанного печальными условиями жизни. Все они с детства выросли под игом обязательных работ и сурового дисциплинарного обращения, закалившего их до полной бесчувственности к физическим страданиям. Тяготевший над ними в былые дни гнет не забил их, как бы следовало ожидать, но развил в каждом из них стойкую самостоятельность, готовность оппонировать не тупо, а во имя убеждения, выработанного осмысленным пониманием дела. Этот, за немногим исключением, грамотный народ, озлобленный экономическими условиями, в какие он был поставлен, был не безопасен».

В 1893 году в одном из своих писем он сообщает: «Пишу теперь «Сцены из жизни темного люда». Боюсь, что они не увидят белого света... до того уже убита во мне вера в свое самодовлеющее творчество». Однако, как бы после снятия внутреннего запрета, публикации следовали одна за другой, притом с неизменным успехом. В «Русском богатстве» - «Картинки с натуры», в «Алтайском сборнике» - «Сарбыска»...

Н. И. Наумов, незаслуженно забытый сейчас литератор, был тонким наблюдателем. Произвол и злоупотребление, грабеж и насилие – таким он воссоздает в своих произведениях климат, в котором трудовой народ горько и дремотно влачит каторжную и разгульную жизнь в цепких тисках «казны»,

чиновников, кулаков, торговцев, золотопромышленников.

Взгляды Наумова были близки и понятны читателям его времени. Рассказы о деревенских правдоискателях и бунтарях нравились людям шестидесятых годов узнаваемостью ситуаций и подхода к ним.

Высоко ценил творчество Наумова Г. В. Плеханов и особо отмечал его популярность в 70-х годах, в первую очередь выделяя рассказ «Умалишенная» из сборника «Сила соломѹ ломит». В историю литературы Николай Иванович Наумов вошел как писатель-народник. Рассказы его – истинная летопись Кузнецкого уезда до и всей Томской губернии столетней давности. Он как бы явился в эти края на смену только недавно отбывшему из Сибири Достоевскому, чтобы продолжить его наблюдения со своей особой позиции.

В Мариинске на улице Ленина стоят рядком, перемежаясь друг с другом, деревянные и каменные здания. Многие из них были «присутственными» и наверняка еще помнят Наумова, чиновника по крестьянским делам.

А вот описание центра Тисуля в рассказе «Паутина».

«Общий вид села, особенно с вершины холма, напоминал своею формою подкову, упирающуюся своими обоими концами в обрывистый берег реки Т...ь, по имени которой называлось и само село. Посредине села стояла высокая каменная церковь, и купол ее, обшитый белой жестию, ярко горел теперь от солнечных лучей. Спустившись с холма, мы въехали в широкую прямую улицу, обнесенную по обеим сторонам низенькими, иногда покосившимися и вросшими в землю избешками, среди которых то по одну, то по другую сторону улицы неожиданно вырастал перед глазами высокий одноэтажный или в два этажа дом с балконами, покосившимися на затейливо выточенных колоннах, с резными, ярко раскрашенными ставнями и плотными деревянными заборами. Странный контраст представляли подобные дома, высившиеся среди убогих соседей своих, изнуренных летами и непогодами. Они походили как будто на новые, яркие заплаты, нашитые на ветхом рубище нищего, и своею вычурной красотой только сильнее оттеняли убогий и невзрачный вид лепившихся около них лачуг».

В Тисуле на улице Ленина по сей день сохранился своеобразный комплекс того времени – каменные здания второй половины XIX века: аптека (бывший купеческий дом), кинотеатр (бывший магазин), магазины детских, промышленных и продовольственных товаров (прежде – жилые дома). Именно здесь, в этих местах, в этом климате, среди этих стен разыгрывались драмы приисковых рабочих, так достоверно описанные в рассказах Н. И. Наумова, и поэтому весь комплекс этот можно условно назвать «комплексом Наумова» и- безусловно – считать мемориальным, тесно сопряженным как с биографией, так и с литературным наследием писателя.

Здесь, также как и в Мариинске, Тисуле и Осинниках, должно отметить улицы, связанные с именем Н. И. Наумова. Мемориальной доске с именем первого сибирского писателя, обратившегося к теме Кузнецкой земли, давно уже место и в Старокузнецком районе Новокузнецка, где он жил и где пока дом его не найден.